

РАТНЫЙ ПОДВИГ НОВОРОССИЙСКА

**ФРОНТОВОЙ
ДНЕВНИК**

рю старшего лейтенанта за его гостеприимство и хлеб-соль. Иду одна по раскисшей тропинке. Что ни шаг, то горная река или ручей преграждают мне путь, но ни мокрые ноги, ни развалившиеся туфли, ни грипп с температурой 39,6 не могут остановить меня.

Тропинка спускается к реке, на тот берег можно переправиться только вплавь. Плавать я не умею. Как быть? Кругом ни души. Вдруг вижу, какой-то матрос верхом на лошади лихо направляется к противоположному берегу. На нем мишманка, гимнастерка с расстегнутым воротом, полосатая тельняшка и широкие флотские брюки.

— Давай, дорогуша, переправлю! — кричит он, кивая мне головой.

— У меня чемодан... — неуверенно отвечаю я.

— Ну и чемодан твой перетащим! Эко дело... — И он легко берет у меня из рук чемодан. — Ого! Да он у тебя полсхонек. Никак, на свадьбу с приданным спешишь?!

— Почти что так, — шутливо отвечаю я и говорю: — Я к гордеевцам. Командир такой есть, подполковник Гордеев. Вот к нему в часть и еду, — объясняю я, взбираясь на лошадь.

— Так ты, значит, к нам в бригаду?

— Вы гордеевец? — с радостным изумлением кричу я.

— Осторожней, напугаешь коня, ведь он у меня румынский, по-русски еще не научился! — предупреждает спутник. — А Гордеев тебе кто? Брат, сват, кум или... — он не договорил.

— Командир, меня направили к нему воевать!

— А-а, воевать... Ну, это другое дело. Когда устроишься, приходи к нам, в сто сорок второй. Наш батальон самый боевой, лучше других. У нас Сашка Мамаев есть. Не слыхала про него? Он знамя румынской дивизии захватил...

Мы разговорились, и я не заметила, как река осталась позади.

может быть, в последнюю минуту их жизни.

Заместитель командира бригадной разведки машет мне рукой. От волнения я теряюсь и не знаю, куда же идти: к разведчикам или автоматчикам. Иду к разведчикам.

Только двинулась к ним — навстречу полковник Потапов.

— Как с «Историей»? — кричит он.

— Со мной, товарищ полковник!

До этого с полковником Потаповым я виделась два раза. Зная, что я немного пишу, он поручил мне вести историю нашей бригады, и мною начерно уже написаны главы о том, как на помощь Одессе, осажденной немцами и румынами, пришли сева-стопольские моряки Потапова, как на самом опасном участке фронта Потапов повел своих черноморцев в бой.

В трехчасовом ожесточенном сражении, переходившем в рукопашные схватки, победили моряки. Фашисты бежали. Моряки Потапова больше месяца выдерживали натиск превосходящего их по численности врага. Вот с тех пор имя Потапова стало символом морского бесстрашия и отваги.

Позже в летопись обороны Севастополя бригада Потапова также вписала много героических страниц.

Наконец я попадаю на палубу.

— Маринка, а ну скажи, где тут нос? — спросила меня Чижик — так бойцы прозвали фронтového почтальона Светлану Воздвиженскую, которая, захватив с собой брошюры, газеты и письма для бойцов, решила остаться на корабле и тоже принять участие в десанте.

— Какой нос?

— Да не твой же! Конечно, корабля! — рассердилась Чижик.

— Ну, Светлячок, не кипятись. Сейчас мы разузнаем. Вовка! — окликнула я знакомого автоматчика. — Тебя командир искал, он в носу.

нанта. Приходится оторваться от письма и, взяв бинт, перевязать неосторожного офицера.

Еле успела закончить перевязку, как мина с силой бьет в наш сарай. Должно быть, я очень побледнела, так как старший лейтенант Проценко, стоявший рядом со мной у единственной уцелевшей стены, посмотрел на меня как-то особенно жалостно и молча покачал головой.

Остаться в этом сарае — значит подвергнуть себя бессмысленному риску, но и выйти из него означает то же самое.

Каждый метр земли вокруг сарая простреливается сплошным пулеметным и минометным огнем, но не сидеть же век здесь, надо на что-то решиться, и притом немедленно. Мы пробиваем дыру в единственной стене сарая и по одному перебегаем к соседнему домику, с сорванной крышей и развалившимся углом.

Железнодорожная насыпь, поднимающаяся за причалом, занята немцами; занято и здание радиостанции, возвышающееся за насыпью. Все высоты в их руках, и они просматривают и держат под огнем весь левый фланг нашего фронта, не давая возможности пройти к пристани за боеприпасами. Каждый человек в долине виден им как на ладони. Так проходят сутки, вторые, третьи... Бой гремит, не смолкая.

Уже пятые сутки мы не спим. Стоя или сидя задремлешь на несколько секунд, но достаточно небольшого шума, как мгновенно вскакиваешь на ноги, и сна как не бывало.

На выручку к нам прилетели «чайки» и «илы», добросовестно и точно бомбившие врага.

Проценко, воспользовавшись паникой немцев, вызванной налетом нашей авиации, выбежал во двор за водой.

шись с обстановкой, позвонил начальнику штаба своего батальона:

— А кто перевязывает раненых?

— Ранса.

— Какая Ранса? — с удивлением переспросил подполковник.

— Санитарка Ранса Холоденко.

— Вот те раз! Да ведь я ее списал на берег, — все еще не мог понять подполковник, — как же это она на Малой земле очутилась?

Он вызвал ее к себе:

— Ну, Беглец, рассказывай, как ты сюда попала.

Ранса сидела как на иголках и молчала в ожидании хорошего нагоняя. Но подполковник, глядя в ее детские лучистые глаза, только вздохнул и тепло сказал:

— Рая, доченька ты моя!

Я обошла 142-й батальон с «Полундрой» и возвращаюсь домой. В подвале, освещенном лампами из гильз, в дыму смутно вырисовывались силуэты бойцов, окруживших девушку. В ней я, к моему удивлению, узнаю телефонистку Надю Горбулеву. Да разве ж она жива? После того как она высадилась в районе Южной Озерейки, мы все считали ее погибшей. Мне хотелось броситься к Наде, обнять ее, но я сдержалась и, тихо подойдя к ней сзади, стала вместе со всеми слушать ее рассказ.

— Был теплый солнечный день, когда я вместе с ребятами выехала на полutorке из Солнцадара, — рассказывала Надя. — Ровно в семнадцать ноль-ноль мы уже были на пристани. И спустя некоторое время вышли в море. Шли ровно десять часов. В пять утра, когда подходили к берегу Южной Озерейки, противник открыл сильный минометный огонь. Нашу посудину разбило, стало заливать водой, и она начала быстро погружаться на

ченко, Матвиенко. Расстрелян председатель сельсовета Богомоллов. На трупах следы пыток. Уши, губы отрезаны, глаза выколоты, многих, по-видимому, закапывали живыми.

Станичная школа № 6 сожжена, больница, ясли, жилые дома, заводы тоже сожжены, весь поселок загажен. Колхозы разорены. Сейчас усиленно работаем. В районе уже восстановлены электрическая сеть, водопровод, радио, телефон. Начали сеять. Восстановили мосты и железную дорогу.

В поселок Апшеронский я вошел 25 января 1943 года вместе с партизанским отрядом. За пять с половиной месяцев наш отряд перебил 360 немцев, отправил на тот свет 11 полицейских, пустил под откос и взорвал 6 поездов. Правительство наградило пятерых партизан нашего отряда орденом Красного Знамени.

Вот, Мария, коротко обо всем. Крепко жму руку. Желаю успехов на фронте.

С комприветом Сергей Жуков».

Я читаю письмо бойцам. И эти простые, бесхитростные строки партизана производят на них глубокое впечатление. Глаза краснофлотцев полны ненависти к подлому врагу.

Наутро краснофлотец Грабаров и сержант Мизерный пошли в засаду. С ними иду и я. Мы долго молча лежим, не отрывая глаз от крыльца домика, в котором находятся немцы. Наконец мелькает фигура в зеленом мундире. Грабаров нажал спусковой крючок. Немец пошатнулся, рванулся вперед и, вскрикнув, упал навзничь.

— Это тебе, гад, за Апшеронскую станцию! — шепчет Грабаров.

На крик выбегает второй немец, но его навеки успокаивает пуля сержанта Мизерного. Счет мести за станцию Апшеронскую растет.

Об этом я вечером написала Жукову. Спустя

Но лейтенант, истекая кровью, вырвал у фашиста автомат и прикончил его выстрелом. В это время вражеская пуля вторично пронзила руку лейтенанту... Разъяренные немцы решили во что бы то ни стало захватить моряка живым. Еще несколько минут Ибрагимов отбивался от них. Но вот кончились патроны и в трофейном автомате. Бесстрашный моряк не сдался живым и в рукопашной схватке погиб смертью храбрых.

Четверо бойцов его взвода, которых от Ибрагимова отделял узкий коридор, были также блокированы противником. Но отважная четверка отбивалась через единственное отверстие — дверь. Все усилия немцев захватить их были тщетны. Все четверо были ранены, но дрались весь день, пока к ночи их не освободили наши бойцы.

Свист пуль, визг мин, снарядов, вой сирен немецких самолетов, лязг и грохот танков. Словом, грозная и непрекращающаяся симфония боя. Немцы идут на нас в полный рост, в шинелях, с автоматами и ручными пулеметами.

Все мы, начиная от помначштаба Костюка и до пятнадцатилетнего моряка Юркевича, воспитанника краснофлотцев, бросаемся навстречу фрицам отражать их атаку.

Одним из первых ранило санинструктора. Я занимаю его место. Перевязываю раненых моряков. Не хватает бинтов. Меня всю забрызгало кровью. Но где взять бинты? Не раздумывая, пускаю в ход нательное белье бойцов. Первым снимает свою рубашку парторг батальона, за ним сбрасывают и другие. А бой гремит все сильнее.

Три атаки следуют одна за другой, они отбиты, но немцы заседают в четвертый раз. Бойцов становится все меньше и меньше.

— Диски, диски! — с разных сторон кричат

— Садись! — говорит шофер.

И мы вместе с группой резерва офицерского состава направились в Кабардинку.

В Кабардинке выяснилось, что бригада погрузилась в Геленджике. Этой же ночью мы поспешили в Геленджик. Приехала туда и застала бойцов, возвращавшихся в расположение части. На море девятибалльный шторм. Усталая, но счастливая вернулась я с ними и только дошла до кубрика, как бросилась в изнеможении на жесткую постель и мгновенно уснула.

— Мария, здравствуй! — окликнул меня майор Суханов. — Что же это ты своих забываешь?

— До гробовой доски вас не забуду, товарищ майор, — ему в тон отвечаю я.

— А ты, брат, снова разморячилась, у моряков нет гробовой доски, у них деревянный бушлат. Ну, надолго ты к нам?

— Думаю, навсегда.

— Ну, значит, опять вместе повоюем, — говорит Суханов. — А здесь чего стоишь? Скажи, кому свидание назначила?

— Песне.

— Как так песне? — недоумевает он.

— Очень просто. Только что бойцы новую песню пели. Не все в ней складно, но слова хорошие, а еще лучше душа песни. Вот жду, может, кто-нибудь еще раз запоет.

— Это какая же песня? — спросил майор.

— Песня Краснознаменной.

— Так это же, Мария, и песня и музыка мои, — сказал полный авторской гордости, просиявший майор.

И он дал мне листок, на котором было напечатано: «Песня Краснознаменной. Слова и музыка майора Суханова».

Воздух попадает через отверстие ран, и я опять начинаю задыхаться. Должно быть, состояние мое очень опасно, так как майор Алфеев спрашивает у сестер мой домашний адрес.

— Ты арбуза не хочешь? — говорит он, чтобы успокоить меня.

— Не хочу. Доктор, только честно: я буду жить?

— А ты кто по специальности? — после некоторой паузы спрашивает он.

— Политработник.

— Будешь, и долго будешь жить! — твердо отвечает он.

И мне как-то сразу становится весело и легко.

После операции мне сообщили об удачной высадке десанта и о том, что наши моряки овладели вокзалом.

Ночами страдаю бессонницей. А сегодня задремала, и вдруг мне снится, что ко мне подходит полковник Потапов и говорит:

— Маруся, Новороссийск наш! Слышишь?!

Я открываю глаза. Но в корпусе слышны только стоны раненых.

— Шура, Шура! — тормошу я соседку по койке. — Новороссийск наш?

— Ты уже и во сне начинаешь бредить Новороссийском. Спать надо... — И она засыпает, перевернувшись на другой бок. А я продолжаю сквозь наушники слушать Москву.

И вдруг столичная музыка прерывается.

«Приказ Верховного Главнокомандующего... — читает диктор. — Войска Северо-Кавказского фронта во взаимодействии с кораблями и частями Черноморского флота в результате смелой операции, ударом с суши и высадкой десанта с моря, после пятидневных ожесточенных боев, в течение которых разгромлены 73-я пехотная дивизия немцев, 4-я и 101-я горнострелковые дивизии немцев, 4-я горнострелковая дивизия румын и портовые коман-

У памятника «Взрыв» в
«Долине смерти»

163070

Центральная городская библиотека
ИЗДАТЕЛЬСТВО